

- <sup>49</sup> Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах//Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 379.
- <sup>50</sup> Там же. С. 389; Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- <sup>51</sup> Майский И. М. Указ. раб. С. 129.
- <sup>52</sup> Златкин И. Я. Указ. раб. С. 258.
- <sup>53</sup> Тольбеков С. Е. Указ. раб. С. 157—159.
- <sup>54</sup> Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М., 1967.
- <sup>55</sup> Кляшторный С. Г. Указ. раб. С. 325.
- <sup>56</sup> Майский И. М. Указ. раб. С. 129.
- <sup>57</sup> Златкин И. Я. Указ. раб. С. 258.
- <sup>58</sup> Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 231.
- <sup>59</sup> Динесман Л. Г. Изменение природы северо-запада Прикаспийской низменности. М., 1960. С. 29.

## Some Ecologo-Demographical and Social Aspects of the History of Nomad Societies

This article is an attempt to analyse the influence of economical, ecological, social and demographical parameters on the development of such complicated system as nomad society. This factors can be calculated mathematically and some formulas describing the general parameters of nomad societies are received by the authors. The way to apply this data is determined in paper too.

A. A. Tortika, V. K. Mikheev,  
P. U. Kurishev

© 1994 г., ЭО, № 1

Н. Н. Крадин

### КОЧЕВЫЕ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СТАДИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

История кочевников составляет важную часть мировой истории. В течение долгих столетий номады играли весомую роль в жизни многих народов и государств. Эта роль была сложной, и ее нельзя свести к альтернативе: либо номады были только «трутнями человечества», либо между ними и оседлыми жителями царили вечное взаимопонимание и дружба. Осваивая огромные аридные пространства, номады значительно расширили границы ойкумены. Их миграции и завоевания оказали существенное влияние на ход развития многих древних и средневековых земледельческих обществ, на этническую историю народов мира. Евразийский степной коридор являлся одной из важнейших межконтинентальных артерий, по которой шла политическая, технологическая и культурная информация, устанавливались связи между локальными цивилизациями.

Что касается специфики общественного строя кочевых обществ и уровня их стадийного (в марксистской терминологии — формационного) развития, то подавляющее большинство исследователей, независимо от методологической ориентации, склонны отмечать менее сложную природу экономических и социальных систем кочевых скотоводческих обществ в сравнении с оседло-земледельческими, неспособность номадов самостоятельно осуществить технологическую революцию и перейти к промышленно-индустриальной стадии социальной эволюции. Однако на этом единство между исследователями прекращается.

Наибольший спор вызывают два вопроса: 1) могли ли кочевники самостоятельно преодолеть барьер между первобытным эгалитаризмом и устойчивыми государственными структурами власти; 2) к какому типу докапиталистических обществ следует отнести кочевников-скотоводов? При этом нужно заметить, что продолжающаяся вот уже не одно десятилетие полемика ведется в основном между марксистскими исследователями<sup>1</sup>, тогда как представители других методологических направлений (в первую очередь неэволюционистской антропологии), если и используют по мере необходимости материалы по кочевым обществам, то вопросов их стадильной природы не касаются<sup>2</sup>.

Кочевниковеды-марксисты по-разному оценивают как уровень, так и характер общественного строя скотоводческих обществ. В настоящее время ими разрабатываются сразу несколько подходов к социальной истории номадизма: концепции «предклассового»<sup>3</sup>, «раннеклассового»<sup>4</sup> и «феодалного»<sup>5</sup> состояния кочевых обществ, а некоторыми авторами выдвинута идея особого «номадного» способа производства<sup>6</sup>.

Следует отметить, что для марксистской теории истории кочевые общества представляют столь же трудноразрешимую проблему, что и «азиатский способ производства». «Как интерпретировать неподвижный, застойный номадизм в рамках единого формационного марша человечества?» — ставит проблему Э. Геллнер. Диалектическая теория социального прогресса изначально предполагает изменения по направлению к высшим формам организации общества и труда. Но экономический базис кочевничества оставался практически неизменным на протяжении тысячелетий, и, следовательно, номадизм выпадает из марксистской диалектики истории. С другой стороны, если «базис» общества не меняется, то и «надстройка» должна оставаться неизменной. Но «надстройка» кочевых обществ не сохраняла постоянства: номады то создавали гигантские кочевые империи, то распались на отдельные ханства или акефальные, не имеющие устойчивой формы образования, а это противоречило принципам марксистской теории общественного развития<sup>7</sup>.

«Феодалисты» и «пятичленщики» попросту закрыли глаза на принципиальную разницу в возможностях и пределах развития между земледелием и экстенсивным скотоводством, тем самым существенно завысив уровень развития «базиса» кочевых обществ. При этом многие факты получили искаженное толкование и были подогнаны под пятичленную формационную схему. Так появилось деление на «ранних» и «поздних» кочевников, которое плохо согласуется с конкретным материалом<sup>8</sup>, но зато совпадает, и это не случайно, с выделяемыми в истории степи первобытной и феодальной формациями.

Сторонники предклассового состояния кочевых обществ, критически относящиеся к теории кочевого феодализма, исходили из противоположных посылок. Они, как и положено марксистам, опирались на твердо установленный факт экстенсивности кочевого скотоводства, слабо изменившегося с течением времени. Первобытный «базис» кочевых обществ предполагал и их первобытную «надстройку». Следовательно, номады в своем развитии достигали самое позднее позднепервобытной (предклассовой, дофеодалной, патриархальной и т. п.) стадии. Последнее, несомненно, являлось в дискуссии шагом вперед. Едва ли не все кочевые общества потенциально были предклассовыми. Об этом, в частности, свидетельствуют кросс-культурные этнологические исследования<sup>9</sup>. Однако вывод о предклассовой сущности номадизма привел к занижению уровня развития «надстройки» ряда кочевых обществ — степных империй, которые уж очень явно выпирали из позднепервобытной модели. Империи были подведены под диаматовские категории «случайности» и «необходимости» и интерпретированы как временные и эфемерные политические образования. Но такими ли эфемерными выглядят империи номадов в сравнении, например, с тоталитарными империями современности?

Тем не менее представляется, что принципиальные особенности социальной

эволюции кочевых обществ заключаются во многом в специфике их экономической структуры. Производительные силы кочевых обществ относятся к натуральной системе, в которой естественные факторы производства доминируют над искусственными, а живые формы труда — над овеществленными<sup>10</sup>. Кочевое скотоводство представляет собой природный процесс, специфически контролируемый в рамках человеческой деятельности, однако основа его детерминирована экологическими и биологическими факторами. По этой причине экономика кочевых обществ может развиваться только за счет освоения новых пастбищных ресурсов. А поскольку такие ресурсы ограничены, численность кочевников и количество поголовья скота могли увеличиваться лишь до известных пределов, в дальнейшем циклически варьируя вокруг определенного уровня под воздействием различных благоприятных и неблагоприятных факторов.

С другой стороны, слабое развитие технологии также является барьером на пути стадийной эволюции кочевых обществ, поскольку в развитии производительных сил всегда существуют пределы, преодоление которых без введения технологических инноваций невозможно<sup>11</sup>. Орудия труда в земледельческих обществах проходят длительную эволюцию от мотыги до сложной машинной техники, а у кочевников скудный набор орудий труда практически не изменился с древности до наших дней. Это вместе с другими факторами и обусловило в конечном счете то, что оседлоземледельческие общества, преодолев первобытную и традиционную мегаформационные стадии, пришли к индустриальному уровню социальной эволюции, а номады так и остались в пределах системы своих естественноисторических связей.

Однако не только у номадов, но и в других обществах в рамках системы натуральных производительных сил технологические изменения в целом были невелики<sup>12</sup>. По этой причине целесообразно обратиться к анализу других возможных факторов повышения эффективности производительных сил. К числу последних относятся разделение и кооперация труда в широком смысле этих терминов<sup>13</sup>. Но говорить о далеко зашедшем разделении различных форм труда у номадов не приходится. Разумеется, можно наблюдать известную специализацию мужской (война, выпас скота) и женской (домашнее хозяйство) деятельности, хотя факты неоднократно указывали на то, что, когда мужчины были заняты грабежами или войной, скот пасли подростки или женщины, а последние у ряда кочевых народов нередко принимали участие и в боевых походах и сражениях.

Известно также, что у номадов, даже в обществах, не обладавших развитой внутренней иерархией, присутствовали ранние формы освобождения от участия в непосредственном производстве лиц, занятых организационно-управленческой деятельностью. Однако специфика скотоводства предполагала главным образом индивидуализированный труд в рамках отдельных домохозяйств или минимальной общины, при эпизодической необходимости кооперации усилий для организации водопоя скота, коллективных охот и пр. Поэтому такого значения, как в обществах, развивавшихся по модели азиатского способа производства, лица, занятые управлением, не имели.

Ремесло у номадов также не выделилось в самостоятельную сферу производства, если не считать насильственного переселения ремесленников из завоеванных земледельческих стран в степь. Но и в последнем случае ремесленная деятельность главным образом обеспечивала милитаристские интересы кочевников или же была связана с дворцово-культовым производством.

По большому счету номадизм сам являл собой форму общественного разделения труда. Однако это была вынужденная адаптация в аридных экологических зонах, специфическим образом трансформировавшая экономику, социальную организацию и культуру номадов. По этой причине неправомерно рассматривать широкое развитие торговли у кочевников как показатель высокого уровня их стадийного развития. На самом деле это свидетельство

их узкой собственной экономической базы, делавшей кочевые общества открытыми по отношению к внешнему миру. «Кочевники не могли существовать вне связи с миром, вне связи с другими неочевыми социумами... этот мир требовал множественной реакции со стороны номадов, благодаря чему кочевники оставались кочевниками»<sup>14</sup>.

Поэтому кочевые общества следует рассматривать с точки зрения их взаимосвязей с внешним миром<sup>15</sup>, как подсистему более широкой, региональной или континентальной суперсистемы. Будучи открытой системой, номадизм обменивается энергией с внешней средой. Интенсивность и характер потоков энергии, идущих из внешней среды, вызывает флуктуации и вынуждает перестраиваться внутреннюю структуру номадизма и даже может временно вывести систему на новый режим функционирования. Следовательно, не характер внутреннего развития, а реакция на внешние природные и социальные импульсы определяет специфику социально-экономической и социополитической структуры кочевничества.

Одним из важнейших способов адаптации номадизма к окружающему внешнему миру было насильственное изъятие необходимых для них продуктов земледелия и ремесла из соседних оседлоземледельческих обществ. Разнообразные формы внешней эксплуатации (периодические набеги, регулярный грабеж, война и взимание контрибуции, навязываемый вассалитет, данничество, непосредственное завоевание с последующим установлением «суперстратификации») были широко распространены у кочевников древности, средневековья и в меньшей степени у номадов нового и новейшего времени. Причем, когда кочевники чувствовали, что они не уступают в силе своим оседлым соседям, они нередко пытались решать свои экономические проблемы за их счет. Однако для реализации экспансии предварительно было необходимо создать боеспособный военно-политический механизм («племенную» конфедерацию, вождество или империю).

Формирование военно-демократических, военно-иерархических и военно-олигархических кочевых структур по сути дела и было последней из упомянутых выше форм «увеличения производительности общественного труда», названной К. Марксом кооперацией. Он характеризует ее как «непосредственное — не опосредованное обменом — взаимодействие многих рабочих для достижения одного и того же результата»<sup>16</sup>.

Далее К. Маркс это положение конкретизировал: «Одна из важнейших форм этой кооперации имеет место, например, при охоте. Точно так же и на войне, представляющей собой ту же охоту, более развитый вид охоты (курсив мой. — Н. К.). Тот эффект, который, например, производит атака кавалерийского полка, не могут произвести взятые поодиночке кавалеристы, хотя во время атаки каждый отдельный кавалерист действует, если он вообще действует, только как отдельный кавалерист. Гигантские сооружения [древних] азиатов представляют собой еще один пример кооперации, так же как и вообще в строительном деле весьма разительно выступает важная роль этой простой формы кооперации. Отдельный индивид может построить хижину, но для постройки дома требуются многие, делающие одно и то же одновременно. Отдельный индивид может вести на веслах небольшую лодку, но для ладьи значительных размеров требуется определенное число гребцов»<sup>17</sup>.

При гигантской общественной кооперации человеческое сообщество (коллектив) претерпевает значительные изменения. И хотя контуры структуры остаются прежними, внутренне она перестраивается. «На место индивида с двумя глазами и т. д. приходит многоглазое многорукое и т. д. чудовище. Отсюда огромные работы римских армий, огромные азиатские и египетские общественные сооружения»<sup>18</sup>. Все вышесказанное в полной мере применимо и к кочевым обществам.

При этом прослеживается корреляция между величиной объекта экспансии кочевников и размерами социополитической системы самих завоевателей.

И еслиномадам, соседствовавшим с небольшими локальными общинными, вождескими и государственными структурами, достаточно было объединиться в вождество или племенную конфедерацию, чтобы организовать экспансию, то тем из них, которые граничили с крупными оседлоземледельческими цивилизациями, необходимо было иное средство адаптации к внешнему миру — кочевая империя. Кумулятивный эффект создания степных имперских структур был поистине сокрушительным. Вряд ли можно сказать лучше, чем это сделал Ибн-ал-асир: «Это событие, искры которого разлетались [во все стороны] и зло которого простерлось на всех; оно шло по весям, как туча, которую гонит ветер»<sup>19</sup>.

В процессе установления «суперстратификации» государственные функции (если точнее — их карательно-принудительную часть) выполнял сам кочевой социум, покоривший оседлое городское общество. Он выступал в данной ситуации как своеобразный «класс-этнос» и специфическое — направленное вовне государство, возвышавшееся в качестве «надстройки» над оседлоземледельческим «базисом». При этом кочевая аристократия выполняла функции верхних звеньев государственного аппарата, а простые номады непосредственно осуществляли экспансионистские и репрессивные функции.

Определенным образом трансформировались социокультурные ценности общества. Среди номадов складывалось представление о большей престижности военных грабительских походов и завоеваний в сравнении с мирным скотоводческим трудом. Это накладывало отпечаток на жизнь кочевников, служило основой для формирования у них культов войны, воина-всадника, героизированных предков, нашедших в свою очередь отражение как в устном творчестве (героический эпос), так и в изобразительном искусстве (звериный стиль и др.).

Но можно ли такую политическую систему кочевников назвать государством? В настоящее время существуют два наиболее популярных подхода к пониманию феномена государства. Марксисты понимают государство главным образом как негативную силу, с помощью которой элита эксплуатирует народ. Неоэволюционисты, напротив, акцентируют внимание на позитивных, регулирующих факторах власти. Они понимают государственность как определенный уровень социокультурной интеграции. По моему мнению, эти подходы дополняют друг друга, если использовать их нейтрально, вне идеологических доктрин. Однако ни с позиций первого, ни с позиций второго подходов нельзя полагать, что государством было кочевникам внутренне необходимо.

Скотоводческая экономика предполагала рассеянную («дисперсную» в терминологии Н. Э. Масанова<sup>20</sup>) пространственную структуру кочевого общества. Главные экономические функции выполнялись небольшими самостоятельными общинами номадов. Следовательно, для оптимального функционирования экономической системе кочевого общества не требовалось создания автономного регулятивного бюрократического аппарата управления. С другой стороны, все социальные конфликты между верхушкой общества и простыми скотоводами, как правило, решались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней политической стабильности. Сильное давление на номадов могло привести к откочевке или к вооруженному столкновению, ведь каждый свободный кочевник был воином.

Централизованное управление и интеграция были необходимы номадам лишь в случае ведения регулярных войн за ресурсы существования или при организации экспансии. Но успешно воевать можно, только имея дисциплинированную и хорошо обученную армию. А это уже прямая дорога к государственности. По этой причине наиболее жестко иерархически организованные общества кочевников (главным образом это относится к кочевым империям) можно рассматривать как один из вариантов ранней (архаической) государственности с точки зрения неоэволюционистского подхода.

Однако такие политические образования номадов могут рассматриваться как государство и с марксистской точки зрения. Они являлись политической

силой, которая строилась над завоеванным земледельческо-городским обществом и эксплуатировала его. Несколько выше я уже писал об этом: кочевой социум — завоеватель аграрного общества — может рассматриваться как «класс-этнос» и специфическое «экзоэксплуататорское»<sup>21</sup> государство.

В то же время далеко не все кочевые общества, которые с марксистской точки зрения могут быть идентифицированы как специфические экзоэксплуататорские государства, являлись государством, исходя и из неэволюционистской схемы шкал интеграции. Так, экспансия и эксплуатация в отношении земледельческого общества могла осуществляться и негосударственным организованным обществом (вождеством, союзом племенных сегментов и пр.).

Вышеизложенные характеристики кочевых обществ не позволяют соотнести их ни с одним из типов послепервобытных докапиталистических обществ.

Кочевые общества не могут быть отнесены к рабовладельческому способу производства по следующим причинам: 1) рабовладельческий уклад не получил, да в принципе и не мог получить у кочевников значительного распространения<sup>22</sup>; 2) внешняя эксплуатация периферии занимала важное место в экономике антично-рабовладельческих государств, однако системообразующими в античности, в отличие от кочевых обществ, выступали отношения эндоэксплуатации — рабовладельческий уклад; 3) рабовладельческие отношения преимущественно осуществляются внутри небольших социально-экономических ячеек (домохозяйств, общины), тогда как у кочевников ведущие формы эксплуатации имели внешний и макросоциальный характер.

Пожалуй, единственно сходная структурная черта кочевых обществ с антично-рабовладельческими обнаруживается в противопоставлении своего социального организма внешнему миру. «Предпосылкой дальнейшего существования такой общины, — писал К. Маркс об античном типе *Gemeinwesen*, что отчасти справедливо и для кочевников, — является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами... С другой же стороны, направление этого небольшого воинственного коллектива толкает его за эти пределы»<sup>23</sup>.

С азиатским (иначе государственным, политарным) способом производства кочевые общества сближает необходимость кооперации гигантских человеческих ресурсов для проведения массовых общественных работ. С другой стороны, государственный (политарный) уклад получил некоторое развитие в ряде суперсложных социальных организмов кочевников и подчас они имели ярко выраженный деспотический характер. Самый яркий пример этого — империя Чингисхана и его ближайших преемников.

Однако и отличия между кочевничеством и азиатским способом производства не менее существенны:

1) при азиатском способе производства кооперация усилий масс производителей была подчинена внутренним задачам, тогда как у кочевников кооперация направлена вовне собственного социального организма — на изъятие земледельческой и ремесленной продукции у своих соседей-земледельцев;

2) в восточных структурах важна не столько сама кооперация для проведения общественных работ, сколько централизованно-редистрибутивная организация экономики. Государство на Востоке — главный организатор хозяйства, важный агент производственных отношений. Для кочевников же оказывается более важной именно интеграция рассредоточенных по обширным степным пространствам кочевников в единый военно-политический экзоэксплуататорский механизм. Набеги кочевников могут осуществляться как в рамках строго организованной, дисциплинированной армии, так и в рамках временных военных структур, не имеющих выраженной внутренней организации (как, например, во время традиционных набегов нузоров на динка);

3) даже в самых деспотических кочевых структурах повинности, взимаемые с кочевников, были невелики в сравнении с эксплуатацией завоеванных зем-

ледельцев и не являлись главным источником доходов кочевой аристократии. К тому же развитие антагонистических отношений внутри кочевого общества сдерживалось необходимостью поддержания единства среди эксплуататоров-кочевников. Следовательно, нельзя говорить о преобладании данной тенденции в социально-экономической структуре кочевых обществ;

4) имеется отличие и в темпах эволюции неевропейских аграрных обществ и кочевников. Если азиатский способ производства хоть и медленно, но все же эволюционировал «по туго сжатой спирали»<sup>24</sup>, то в истории кочевых обществ, во многом детерминированной естественными условиями, движение по кругу преобладало над прогрессивным развитием вплоть до последнего столетия.

В таком случае, быть может, наиболее оптимальной для характеристики кочевых обществ является феодальная модель, тем более что в свое время была даже создана целая теория «кочевого феодализма»? Думается, что нет:

1) частнособственническая эксплуатация малоимущих и не имеющих скота кочевников богатыми скотовладельцами, наличие которой предполагается как главный критерий «кочевого феодализма», была присуща кочевникам-скотоводам еще с глубокой древности, задолго до того времени, когда, согласно даже пятичленной схеме, произошло становление феодальной формации. Это доказательство от противного. В то же время следует заметить, что необходимость внутренней консолидации и ряд других факторов служили тормозом для развития вышеуказанных отношений. Ситуация изменилась только в новое время;

2) теория «кочевого феодализма» была сформулирована главным образом на этнографических материалах нового и новейшего времени (Б. Я. Владимирцов писал совсем о другом типе общества), когда кочевничество, не способное конкурировать с прединдустриальными и раннеиндустриальными обществами, пришло в упадок и была деформирована его традиционная внутренняя структура. По этой причине особенности общественной структуры кочевников нового времени нельзя рассматривать в качестве основополагающих для всей истории кочевничества. Но даже и в указанную эпоху данный уклад не был господствующим (за исключением, быть может, ряда случаев), ни тем более единственным в кочевых обществах;

3) основу феодального (как и азиатского, и рабовладельческого) способа производства составляют отношения эндэксплуатации, тогда как в кочевых обществах периода расцвета кочевничества системообразующей выступает экзоэксплуатация. С другой стороны, при сегментарно организованном феодальном способе производства не предполагается такая степень централизации общества и кооперации человеческих ресурсов, как в кочевых и в неевропейских земледельческо-городских обществах.

Таким образом, несмотря на потенциально позднепервобытный характер кочевничества, а также возможное присутствие в кочевых обществах в качестве отдельных подсистем укладов государственного (политарного), рабовладельческого и феодального (магнатного) способов производства, наиболее развитые из социальных организмов кочевников-скотоводов не могут быть соотнесены ни с одной из имеющихся моделей доиндустриальных общественных формаций. В таком случае логически напрашивается единственно возможное решение: для кочевых обществ характерен особый способ производства и самостоятельная линия социальной эволюции.

Первым из марксистских авторов попытался обосновать специфичность формационной природы кочевничества Г. Е. Марков. Позднее французские социологи самостоятельно пришли к идее особого способа производства у кочевников, взяв за его основу марксову модель «германской» формы *Gemeinwesen* из «Grundrisse». И наконец, совсем недавно Н. Э. Масанов предложил свое понимание «номадного» способа производства, основанного на «биологических средствах производства»<sup>25</sup>.

Однако, на мой взгляд, кочевничество нужно рассматривать не как особый

способ производства, а только как специфическую форму экономической (а возможно, точнее даже экологической) деятельности. Следует разделять так называемые «технологические способы производства» и так называемые «общественные способы производства»<sup>26</sup>. Когда речь идет о последних, под производством необходимо понимать не тот способ, которым осуществляется получение энергии из природной среды социумом или отдельными индивидами, а та форма организации сообщества, посредством которой происходит данное присвоение. Поэтому номадизм таксономически должен располагаться в одном типологическом ряду с охотой, собирательством, рыболовством и земледелием, но никак не с азиатским способом производства, рабовладением или феодализмом<sup>27</sup>.

С другой стороны, нельзя согласиться с использованием модели «германского» способа производства для объяснения специфики номадизма. Во-первых, в «Grundrisse» К. Маркс относил номадов не к «германской», а к «азиатской» модели<sup>28</sup>. Во-вторых, кочевые общества имеют сходные черты не только с «германской», но и с «азиатской» и «античной» формами Gemeinwesen, но, как совершенно справедливо заметил А. Загарелл, ни с одной из них не могут быть сопоставимы напрямую<sup>29</sup>. И наконец, в-третьих, можно согласиться с мнением Ф. Тёкеи, что когда К. Маркс писал о древних германцах, он имел мало материалов, поэтому прямые аналогии между «германским» способом производства и номадизмом могут оказаться методологически ошибочными<sup>30</sup>.

Мне представляется, что специфика кочевых обществ, в отличие от земледельческих цивилизаций, не может быть объяснена исключительно внутренними закономерностями эволюции. Адаптация номадизма к окружающему человеческому миру едва ли была менее важной, чем адаптация скотоводческих обществ к природной среде. Эта адаптация могла осуществляться несколькими способами<sup>31</sup>, но стержневыми из них являлись различные формы экзоэксплуатации, начиная от нерегулярных набегов и грабежей и заканчивая экспансией с последующим установлением отношений «суперстратификации». Собственно, этот тезис проходит лейтмотивом в настоящей статье.

Для осуществления экзоэксплуатации кочевники-скотоводы объединялись в разного рода племенные конфедерации, простые и составные вожества, кочевые империи. Следовательно, экзоэксплуатация являлась для воинствующих номадов их способом производства. Для обозначения данного способа производства я предложил использовать термин «экзополитарный» (от греч. экзо — «вне» и полития — «общество, государство»)<sup>32</sup>.

Разумеется, существовали за счет войны не только номады. Однако именно у кочевников внешнеэксплуататорская деятельность и экзополитарный способ производства наиболее ярко проявились во всемирной истории. В то же время следует заметить, что в истории номадизма экзополитарный способ производства географически был ограничен евразийскими степями, Северной Африкой и Передней Азией, где, с одной стороны, номадам противостояли не акефальные первобытные сообщества, а централизованные государства и империи и, с другой — скотоводы обладали верховыми животными (лошады и верблюды), которые имели огромное военно-стратегическое значение. Хронологические рамки экзополитарного способа производства у кочевников можно определить со времени происхождения номадизма как хозяйственно-культурного типа до эпохи стадийного кризиса аграрных и генезиса прединдустриальных обществ.

Начиная с последнего периода, можно говорить о кризисе номадизма. Причины этого в известной степени очевидны: 1) суммарная масса энергии, получаемой человеком при земледельческом труде, примерно в 10 раз выше количества энергии, которое человек может получить при животноводстве<sup>33</sup>. Следовательно, возможности для накопления энергии, ее перераспределения внутри общества, формирования подсистем, не занятых в аграрном производстве, и т. д. у земледельцев качественно выше; 2) скот и бедный набор

орудий труда у кочевников остаются без изменений на протяжении тысячелетий, тогда как земледельческая техника эволюционирует от сохи к машине и компьютеру<sup>34</sup>; 3) экзополитарный способ производства деформирует и затормаживает развитие внутренней экономической структуры, поскольку возможность существования за счет грабежей и дани предполагает свертывание собственного хозяйства и узкую специализацию в области военно-грабительской деятельности<sup>35</sup>.

И если до рубежа между средними веками и новым временем кочевники обычно выступали как полноправный элемент макрополитического доиндустриального сообщества, то с этого времени система отношений между номадами и земледельцами изменилась принципиальным образом. «Фактически на этом и завершается „большая судьба“ кочевников. Порох и пушки одержали верх над их быстротой... Кочевники, обреченные оставаться у себя дома, предстанут тем, что они есть, бедными группами человеческих существ...»<sup>36</sup>. Номадизм выпал из динамической картины стадийной эволюции и оказался оттесненным на задворки всемирной истории. И для его описания в новую эпоху необходима иная социоантропологическая модель.

#### Примечания

<sup>1</sup> Историографию проблемы см.: *Коган Л. С.* Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1981; *Халиль Исмаил.* Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50—80-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Эрдниева К. О.* К истории изучения вопроса о специфике феодальных отношений у кочевых народов в советской исторической литературе//Изд. Северо-Кавказского науч. центра высшей школы. Обществ. науки. 1985. № 1; *Попов А. В.* Теория «кочевого феодализма» академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников//Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова, 1884—1931. М., 1986; *его же.* Современная историография МНР о характере экономического базиса монгольского общества нового времени//Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Л., 1986. Вып. IX; *Крадин Н. Н.* Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987 (Деп. ИНИОН № 29892); *его же.* Этапы дискуссии о собственности у кочевников//Археологические и исторические исследования на Дальнем Востоке СССР. Препринт. Владивосток, 1989; *Марков Г. Е.* Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе//Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989, и др.

<sup>2</sup> Этого нет, например, в таких обобщающих работах, как: *Service E.* Primitive Social Organization. N. Y., 1962; *idem.* Origins of the State and Civilization. N. Y., 1975; *Adams R.* Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin etc., 1975; *Hollpice C.* The Principles of Social Evolution. Oxford, 1986; *Johnson A., Earle T.* The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford, 1987, и др. Кочевые общества затрагивались лишь в работах: *Krader L.* Formation of the State. Englewood Cliffs, 1968; *Sahlins M.* Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968. P. 32—39. Более подробно о взглядах зарубежных авторов на общественный строй кочевников см.: *Васильев М. А.* Проблемы истории кочевого скотоводства и кочевых обществ в современной англо-американской буржуазной историографии. М., 1982 (Деп. ИНИОН № 11301).

<sup>3</sup> *Grunert H., König W.* Die Nomadenviehzucht als Wirtschaftlich kultureller Typ//Ethnogr.-Archäol. Zeitschrift. 1974. № 3. S. 460—461, 466—467; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Vainnistein C. И., Семенов Ю. И.* Рец. на: Г. Е. Марков. Кочевники Азии//Сов. этнография. 1977. № 5. С. 165; *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества//Там же. 1982. № 2; *Калиновская К. П.* Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. М., 1989; *Павленко Ю. В.* Раннеклассовые общества. Киев, 1989. С. 86—90; *Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. С. 404, и др.

<sup>4</sup> *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975; *Перишц А. И.* Некоторые особенности классов образования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов//Становление классов и государства. М., 1976; *Ecsedy I.* Nomads in History and Historical Research//Acta Orientalia Hungaria. 1981. T. XXXV. F. 2—3. *Khazanov A. M.* The Early State among the Eurasian Nomads//The Study of the State. The Hague, 1981; *idem.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.

<sup>5</sup> *Нацагдорж Ш.* Основные черты феодализма у кочевых народов. Улан-Батор, 1975; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй кочевников в средневековую эпоху//Вопр. истории. 1976. № 8; *Златкин И. Я.* Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов//Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982; *Полянский Ф. Я.* Типология феодализма. М., 1982 (Деп. ИНИОН № 11493). С. 490—600; *Маннай-Оол М. Х.* Тува в эпоху феодализма. Кызыл, 1986, и др.

<sup>6</sup> Марков Г. Е. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1967; Bonte P. Ecological and Economic Factors in the Determination of Pastoral Specialization//J. Asian and African Studies. 1981. V. 16. № 1—2. *idem*. Marxist Theory and Anthropological Analysis: The Study of Nomadic Pastoralist Societies//The Anthropology of Precapitalist Societies. N. Y., 1981; *idem*. French Marxist Perspectives on Nomadic Pastoral Societies//Nomads in a Changing World. Naples, 1990; Дигар Ж.-П. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989; Масанов Н. Э. Специфика общественного строя кочевников-казахов в дореволюционный период: Историко-экологические аспекты номадизма; автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991, и др.

<sup>7</sup> Gellner E. State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1988. P. 93—97, 114.

<sup>8</sup> Об этом см.: Хазанов А. М. Социальная история скифов. С. 268—271; Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. С. 32—39.

<sup>9</sup> Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза//Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. 1. М., 1991. С. 157. Табл. XI.

<sup>10</sup> Подробнее о натуральной системе производительных сил см.: Крылов В. В. Производительные силы развивающихся стран и формирование их социально-экономической структуры: Дис. ... канд. экон. наук. М., 1974; Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Реф. сб. Вып. 1. М., 1986; Вып. 2. М., 1988; Капустин Б. Г. «Неомарксистская социология», исторический материализм и развивающиеся страны. М., 1988; Фурсов А. И. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта//Французский ежегодник 1987 г. М., 1989.

<sup>11</sup> Семенов Ю. И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ//Философские науки. 1985. № 1. С. 31.

<sup>12</sup> Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986.

<sup>13</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 284 сл.

<sup>14</sup> Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. P. 3.

<sup>15</sup> Французские структурные марксисты критически относятся к выбранному А. М. Хазановым методологическому подходу (см., например, Дигар Ж.-П. Указ. раб. С. 35, 36). Надеюсь, что моя статья демонстрирует как раз продуктивность методологии А. М. Хазанова и его сторонников.

<sup>16</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 285.

<sup>17</sup> Там же. С. 285, 286.

<sup>18</sup> Там же. С. 289.

<sup>19</sup> Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 2.

<sup>20</sup> Масанов Н. Э. Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества//Вест. АН КазССР. 1987. № 3.

<sup>21</sup> О содержании термина «экзэксплуатация» см.: Першиц А. И. Эксплуатация//Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. Вып. 1.

<sup>22</sup> Подробно об этом см.: Нибур Г. Рабство как система хозяйства. М., 1907; Семенюк Г. И. К проблеме рабства у кочевых народов//Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1958. Вып. 1; Хазанов А. И. Роль рабства в процессах классовообразования у кочевников евразийских степей//Становление классов и государства; Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. С. 75—84.

<sup>23</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 467.

<sup>24</sup> Васильев Л. С. Курс лекций по древнему Востоку (Средний и Дальний Восток). М., 1984. С. 98. Об эволюции азиатского способа производства см. также: Город в формационном развитии стран Востока. М., 1990. Гл. 5.

<sup>25</sup> См. работы, указанные в сноске 6. Из исследований последних лет следует также указать статью: Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства//Вопр. истории. 1990. № 8.

<sup>26</sup> Об их различии см.: Илюшечкин В. П. Указ. раб. С. 100—106.

<sup>27</sup> Об этом же см.: Лашук Л. П. О характере классовообразования в обществе ранних кочевников//Вопр. истории. 1967. № 7; С. 107; Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. P. 193.

<sup>28</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 462, 479, 480.

<sup>29</sup> Zagarell A. Institutional Leadership among Nomadic Groups//Familie, Staat und Gesellschaftsformation. B., 1988. P. 357.

<sup>30</sup> Tokei F. A Note of Nomadism//Acta Orientalia Hungaria. 1982. T. XXVI. F. 1—3. P. 537—538.

<sup>31</sup> Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. P. 157, 158.

<sup>32</sup> Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990; *его же*. Особенности классовообразования и политогенеза у кочевников//Архаическое общество. Ч. II; *его же*. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.

<sup>33</sup> Одум Ю. Экология. Т. 1. М., 1986. С. 142, 143, 192.

<sup>34</sup> Фурсов А. И. Некоторые общеэкономические проблемы развития Монголии в новое время. М., 1976 (деп. ИНИОН № 968). С. 39, 40.

<sup>35</sup> Андреев И. Л. Тенденции и стадии генезиса классовообразования (IX МКАЭН. Доклады советской делегации). М., 1973. С. 10; Просандеева Н. В. Методологические проблемы исследования общественных систем как органических целостностей (на примере становления раннеклассовых

обществ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д. 1989. С. 18, 19. В сущности схожую закономерность на биологическом уровне еще более 100 лет назад установил родоначальник социобиологического направления А. Эспинас. Он писал о паразитирующих биологических видах: «Так как они не имеют нужды искать себе пищи и получают ее совершенно готовую, то для них не существуют целые отделы жизненных отправлений, вследствие чего соответствующие этим последним органы постепенно атрофируются» (Эспинас А. Социальная жизнь животных. СПб., 1898. С. 83). Думается, это обобщение требует внимательного изучения и в применении к социальным системам.

<sup>36</sup> Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. М., 1986. С. 112.

## Nomad Societies in the Context of Evolution Stages

The present paper deals with the sociocultural evolution of Nomad Societies subdivided by the author into three general stages: primitive, traditional (agrarian) and industrial. The majority of primitive nomads was limited in their evolution by tribal confederation or leadership. But there were great empires of Hunnu, Turks or Mongols. The way of production in this communities seems similar to Asian one. Nevertheless, the leader's incomes in such creations mainly were obtained as a result of roblers and wars but not as a redistribution from ordinary cattlebreeders. On the other hand, the energy of Eastern despoties was tuened into society (irrigation, urbanization, fortifying etc.) as against the nomads one was turned outside — on robberring, contribution and conquest of agrarian societies. As it is shown by the author, the mode of production in nomads empires differs from other one of primitive societies, so it can be considering as a special variant of evolution. The internal imperialistic exploitation of agrarian societies — espicial «exopolitary» (from greek «exo» — outside and «politia» — state, society) mode of p̄roduction is the base of this evolution line.

N. N. Kradin